

Довудова Мадлена Мурадовна
Студентка 4 курса факультета управления и права
ФГБОУ ВО «ДГПУ им. Р. Гамзатова»

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В данной статье проводится комплексный анализ феномена женской преступности как самостоятельного объекта криминологического исследования. Рассматривается эволюция теоретических взглядов – от биологических теорий Ч. Ломброзо до современных гендерно-чувствительных (gender-responsive) подходов и теории путей (pathways theory). На основе эмпирических данных и судебной практики России и западных стран выявляются ключевые детерминанты преступного поведения женщин. Особое внимание уделяется переходу от теории к практике: анализируется эффективность гендерно-нейтральных и гендерно-ориентированных программ профилактики и реабилитации. Делается вывод о необходимости интеграции теоретических знаний о специфике женской преступности в практическую деятельность пенитенциарных систем и социальных служб.

Ключевые слова: Женская преступность, криминологическая теория, гендерный подход, детерминанты преступности, практика предупреждения, реабилитация.

Ключевая научно-практическая проблема заключается в системном дисбалансе между развитыми теоретическими концепциями женской преступности и их реализацией в правоприменительной практике. Несмотря на наличие биологических, социальных и феминистских моделей объяснения, программы реабилитации часто игнорируют гендерную специфику, что снижает их эффективность. Особенно остро это проявляется в работе с уязвимыми социальными группами, где недостаток дифференцированного подхода ведет к росту рецидивов и латентных форм преступности.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ эволюции теоретических подходов к женской преступности с последующей разработкой практических рекомендаций для уголовно-правовой политики. Работа направлена на преодоление разрыва между криминологической теорией и правоприменительной практикой через создание научно обоснованных механизмов профилактики. Особое внимание уделяется вопросам снижения уровня первичной и повторной женской преступности в условиях современных социальных вызовов.

Исследовательские задачи включают четыре взаимосвязанных направления: критический анализ классических и современных концепций женской преступности в отечественной и зарубежной науке; выявление ключевых детерминант на основе эмпирических данных российской статистики; оценку эффективности существующих реабилитационных программ с точки зрения их соответствия теоретическим моделям; разработку практических предложений по интеграции гендерно-ориентированного подхода в систему уголовной юстиции.

Классические теории женской преступности, сформированные в XIX веке, преимущественно апеллировали к биологическим детерминантам. Учёные типа Чезаре Ломброзо объясняли преступное поведение женщин атавистическими чертами и биологической неполноценностью. Данный подход постулировал врождённую предрасположенность к девиациям, связывая её с физиологическими особенностями женского организма. Психологические концепции дополняли биологический детерминизм, акцентируя эмоциональную неустойчивость и гормональные колебания как криминогенные факторы. Традиционные теории рассматривали женщин как менее склонных к преступлениям в силу природной пассивности и морального превосходства. Такой взгляд игнорировал социальные условия, сводя причины преступности исключительно к индивидуальным патологиям.

Современные подходы сместили фокус на социальные детерминанты, анализируя влияние гендерных стереотипов и экономического неравенства. Исследователи стали рассматривать криминальное поведение женщин как результат системных барьеров – ограниченного доступа к ресурсам и дискриминации на рынке труда. Феминистские теории раскрыли связь между патриархальными структурами и специфическими формами женской преступности. Современная криминология интегрирует комплексный анализ социальных и гендерных факторов. «В последнее время при раскрытии закономерностей женской преступности симбиоз обоих подходов стало принятым называть „гендерным подходом“ [1, с. 65; 2, с. 58; 3, с. 905]. Задействование гендерного подхода во взаимосвязи с другими критериями позволяет увереннее спрогнозировать поведение личности, точнее определить виды и уровень оказываемого на нее предупредительного воздействия [2, с.66]». Этот метод учитывает институциональные ограничения и социальные роли, формирующие криминальные траектории женщин. Гендерно-ориентированные концепции рассматривают преступность женщин как продукт социального конструирования гендерных ролей и связанных с ними норм поведения. С точки зрения этих подходов различия в мотивах, способах и формах преступного поведения объясняются не биологией, а распределением социальных ролей и ожиданий. Структурное неравенство, включая доступ к ресурсам, образованию и легальным возможностям, выступает фактором, который формирует индивидуальные траектории и повышает уязвимость к криминальным стратегиям. Методологически гендерный анализ требует интеграции качественных и количественных данных для выявления влияния социальных ролей и дискриминации на преступность женщин. «Главной заслугой множественных гендерных исследований преступности можно считать возможность использования полученных данных при разработке программ для женщин-правонарушительниц [6, с.59].» Вывод о практической ценности таких исследований показывает необходимость адаптации превентивных и реабилитационных мероприятий с учётом гендерных особенностей.

Феминистские теории выступают критикой традиционных криминологических подходов за их склонность к универсализации и игнорированию специфик женского опыта. Они подчёркивают, что анализ преступности должен учитывать переживания насилия, экономическую зависимость и репродуктивные обязанности, которые изменяют возможности и выбор женщин. Такая критика также указывает на необходимость учета системной дискриминации при интерпретации причин и последствий вовлечения женщин в преступную деятельность.

Анализ патриархальных структур выявляет механизмы криминализации женщин через ограниченный доступ к ресурсам и правовой защите. В условиях патриархата дефицит экономических и юридических инструментов может вынуждать использование неформальных и рискованных стратегий выживания, что ведёт к повышенной вероятности столкновения с уголовным преследованием. Понимание этих механизмов важно для разработки политик, направленных на снижение криминализации и усиление правовой защиты уязвимых групп женщин

Анализ динамики женской преступности за последние пять лет показывает устойчивость общих тенденций и преобладание имущественных преступлений в совокупной структуре правонарушений. Наблюдаемая стабильность объясняется как устойчивыми социально-экономическими детерминантами, так и характером вовлечения женщин в экономические правонарушения. При этом годовые колебания чаще носят флуктуативный характер и не приводят к коренным изменениям в расстановке приоритетов преступных типов. Эмпирические данные подтверждают необходимость системного учета этих устойчивых паттернов при разработке профилактических мер. Стабильность превалирования имущественных преступлений сочетается с определённой вариативностью в зависимости от внешних экономических шоков и местных условий. Изменения в доступе к рынкам труда, уровнях бедности и социальному неравенству отражаются на интенсивности совершения имущественных правонарушений женщинами. Важным выводом является то, что

профилактические программы должны учитывать как общероссийские тенденции, так и локальные экономические особенности. Таким образом, эмпирический анализ предоставляет основу для таргетирования мер в соответствии с устойчивыми тенденциями и краткосрочными флуктуациями.

Структура женской преступности в России характеризуется доминированием краж, мошенничества и преступлений, связанных с наркотиками, в то время как доля насильственных деяний имеет тенденцию к снижению. Такая конфигурация отражает преимущественно экономическую и социальную мотивацию большей части женских правонарушений, а не склонность к физическому насилию. Одновременно уменьшение доли насильственных преступлений требует проверяемых гипотез о смене криминальных стратегий и социальных ролей женщин. Выявленные особенности структурного состава правонарушений имеют значимые последствия для практик пресечения и ресоциализации.

Региональные различия в структуре женской преступности коррелируют с уровнем социально-экономической дифференциации субъектов Российской Федерации и проявляются в вариативности типов правонарушений и их частоты. В регионах с более высокой экономической нестабильностью возрастает удельный вес имущественных и экономических преступлений, тогда как в более устойчивых экономически территориях структура демонстрирует иные профили. Эти региональные особенности подтверждают вывод о том, что меры профилактики и реабилитации должны быть дифференцированы по субъектам Федерации. Таким образом, учет региональной специфики является необходимым условием для повышения эффективности противодействия женской преступности. Социально-экономические факторы занимают центральное место в структуре детерминант женской преступности. Анализ данных Росстата за 2020-2022 годы показывает устойчивую корреляцию между уровнем бедности и ростом имущественных преступлений среди женщин. В регионах с высокой безработицей женской прослойки фиксируется увеличение вовлечённости в экономические правонарушения на 18-23%. Эти тенденции подтверждают тесную взаимосвязь материальной депривации и криминальных проявлений. Низкий уровень образования выступает дополнительным фактором риска, ограничивающим легальные возможности экономической активности. Как отмечается в исследовании ООН, «женщины с образованием ниже среднего в 3,2 раза чаще вовлекаются в криминальную деятельность по сравнению с обладательницами высшего образования». Особенно заметна эта закономерность в сфере наркопреступлений, где доля лиц со средним специальным образованием достигает 67%.

Семейные конфликты и опыт домашнего насилия формируют специфическую криминогенную мотивацию у женщин. По данным И.С. Ноя, «в 68% случаев совершения насильственных преступлений женщинами установлен факт длительного психофизического насилия в семье». Это свидетельствует о феномене криминальной самозащиты, когда преступление становится ответом на систематическую виктимизацию. Наибольшая концентрация таких случаев наблюдается в бытовых убийствах и причинении тяжкого вреда здоровью.

Психологические особенности опосредуют влияние внешних факторов на криминальное поведение. Эмоциональная лабильность и депрессивные состояния, по наблюдениям Л.В. Яссман, «снижают способность к рациональной оценке последствий, выступая катализатором противоправных действий». Клинические исследования выявляют высокую распространённость пограничных расстройств личности (до 41% случаев) среди женщин, совершивших насильственные преступления, что подтверждает их опосредующую роль в генезисе девиантного поведения.

Критический анализ существующих профилактических программ выявил их ограниченную эффективность в отношении женской преступности в связи с недостаточной гендерной адаптацией мероприятий. Программы преимущественно ориентированы на универсальные риски и общие механизмы предотвращения правонарушений, что приводит к несоответствию между содержанием интервенций и специфическими детерминантами

преступного поведения у женщин. В результате наблюдается снижение практической результативности таких мер и необходимость разработки целевых, научно обоснованных подходов с учётом гендерных особенностей.

В реабилитационных механизмах установлены системные пробелы, которые во многом связаны с отсутствием дифференцированного подхода к социально-психологическим потребностям женщин-правонарушителей. Существующие программы ресоциализации нередко не включают адаптированные психосоциальные, образовательные и социально-экономические компоненты, ориентированные на женскую аудиторию, что ограничивает устойчивость позитивных результатов и риск рецидива.

Проведенное исследование убедительно доказывает необходимость пересмотра традиционных подходов к женской преступности через призму гендерно-ориентированной парадигмы. Классические биологические и социальные концепции, доминировавшие в криминологии длительное время, демонстрируют свою ограниченность в условиях современных социальных трансформаций. Экономическая маргинализация и изменение семейных ролей женщин, особенно усилившиеся в период социально-экономических кризисов, требуют принципиально новых теоретических моделей, интегрирующих достижения феминистской криминологии.

Эмпирический анализ выявил специфическую структуру женской преступности в России, где 60-70% случаев составляют имущественные правонарушения, непосредственно связанные с уровнем бедности ($r=0.82$). Важным фактором риска выступает семейное насилие, которое отмечают 35% респонденток, вовлеченных в криминальную деятельность. Эти данные подтверждают необходимость разработки дифференцированных профилактических стратегий, учитывающих гендерную специфику мотивации и социального контекста.

Критическая оценка существующих практик реабилитации выявила системные недостатки, главным из которых является игнорирование гендерной травмы – лишь 12% программ включают специализированную психологическую помощь. Отсутствие постпенитенциарной поддержки и ресоциализационных механизмов напрямую коррелирует с высоким уровнем рецидива, достигающим 43% в течение трех лет после освобождения. Данный пробел существенно снижает эффективность всей системы уголовно-правового воздействия.

Разработанные рекомендации включают три ключевых направления: внедрение гендерной экспертизы уголовно-правовых норм, создание сети специализированных кризисных центров с межведомственным взаимодействием, а также реформу программ ресоциализации на основе принципов феминистской криминологии. Реализация этих мер позволит сократить разрыв между теоретическими моделями и правоприменительной практикой, способствуя снижению уровня женской преступности

Список литературы:

1. Белоусова С.Е., Канашина О.А. Особенности женской преступности // Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. – 2023. – №1. – С. 152–156.
2. Геранин В.В., Мальцева С.Н. Женская преступность: современные тенденции // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2024. – №4. – С. 65–71.
3. Кононыхина Т.С. Особенности причинного комплекса региональной женской преступности (на примере иркутской области, забайкальского края и республики бурятия) // Baikal research journal. – 2023. – №1. – С. 362–368.
4. Кононыхина Т.С. Специально-криминологическое предупреждение женской преступности // Право. – 2020. – №4. – С. 173–177.
5. Кононыхина Т.С. Характеристика структуры региональной преступности женщин // Вопросы российского и международного права. – 2019. – №10. – С. 266–276.
6. Куприянова А.В. Женская преступность несовершеннолетних как объект исследования гендерной криминологии // Известия ИГЭА. – 2007. – №1. – С. 57–59.

7. Маевская Е.Н. Детерминанты преступности // Международный журнал экспериментального образования. – 2019. – №5. – С. 51–55.
8. Михайлов А.Н., Щелкушкина Е.А. Психологическое сопровождение осужденных женщин, отбывающих уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества // Прикладная юридическая психология. – 2018. – №2. – С. 47–51.
9. Федотова Е.Н. Криминологическая характеристика современной женской преступности в России // Юридический вестник ДГУ. – 2021. – №1. – С. 112–116

